

шевленный и зримо воплощенный мир природы, не чувствуют. Разгадать этот ребус, наверное, можно, лишь обратившись к японской поэзии. Там нет метафор, нет природы воплощенной. Если она есть, то это — прямое, doskonaльное описание и — атмосфера, настроение. Японец в сознании своего традиционного искусства апеллирует не к тому, что рядом. Природа для него не бывает проводником в иные миры, он устанавливает связь с космосом. А находясь рядом — это быт, совершенство. Поэтому, быть может, самыми удачными у труппы «Токио-балет» были бытовые персонажи, бытовые сцены.

Смотреть это все, думать об этом было безумно интересно. И ощущать, что ты можешь теперь, вспоминая гениальную Сильфиду — Гилен Тесмар, ставшую нашей любовью, понимать, насколько подлиннее, чище «Сильфиды» Бурнонвилля. Как далека работа Пьера Лакотта от подлинника. Не только у Мастера Бежара, у всех нас постоянно происходит встреча прошлого с настоящим, возникает противоречивый, многое проясняющий диалог.

Наталья ЧЕРНОВА.

МОТИВ СЕЗОНА

СЕЗОН Событий начался с Неожиданностей. С вне-положенного, с непредвиденного. Однако именно это закрепляет

в нашем сознании событийность обоих чеховских фестивалей, проходящих сейчас в Москве, и это же заставляет воздерживаться от выводов, сочинения «общих тенденций».

Впреки моему прогнозу, два фестивальных столпа — БДТ и Шаубюне — слегка поколебались. Аудитория не явно, но разделилась в оценках спектаклей Т. Чхендзе и П. Штайна. «Холодно», — сказали те, кому не понравилось «Коварство и любовь» грузинского режиссера. «Скучно», — согласились даже те, кто принял «Вишневый сад» по-немецки. И в том, и в другом случае, как мне кажется, «на понижение» сыграло чрезмерное ожидание этих спектаклей.

Спектакль Т. Чхендзе программно холоден, но лишь до поры до времени. Ибо режиссер не озабочен романтической драмой, какой мы привыкли воспринимать драму Шиллера, а смущен, сокрушая драмой мешанской. В ней нет «пяти пудов любви», как писала критика. Скорее, в ней пять пудов коварства. Коварства изощренного, циничного, многоликого и многомудрого. Укладывающего «бездыханными трупами» не только буквы в письме Луизы. Любовь здесь слепа, добродетель наивна до глупости. Эта любовь обнаруживает свою силу, лишь пройдя через страдания, а красота ее расцветает в предсмертном поцелуе Луизы и Фердинанда, сокрушая жизнь двух равных в горе стариков, музыканта Миллера и Президента. Они — в блестящем исполнении В. Ивченко и К. Лаврова — становятся главными героями спектакля. Он о том, как беззащитен мир перед проделками сатаны, как до обидного игрушками выглядят люди в руках судьбы. «До странности непонятно играет с нами Господь» — эта ключевая фраза в устах Фердинанда окончательно растопляет холод, которым поначалу веяло со сцены.

...Умом России не понять, а русская душа действительно загадочные потемки. Иначе не объяснить чуть-чуть истерического обожания у нас П. Штайна, шквала рукоплеканий, которым его одарили на открытии

Международного чеховского фестиваля (хлопали, по-моему, даже больше, чем гениальному И. Смоктуновскому). Вот уж где спектакль, сделанный с холодным носом. В высшей степени профессионально, соразмерно, культурно, со всевозможными техническими эффектами, которые так умиляют нашу публику, как будто она ничего в своей жизни не видала. Знаменитой чеховской атмосферы (которая все-таки была в штайновских «Трех сестрах») нет. Фигуры до боли знакомых нам героев картины. Мораль, на удивление, хрестоматийная. А мне все вспоминается строка из Гоголя: «Ну кто первый выпустил, что он ревьюер? Отвечайте!»

Нет ответа. Да, собственно говоря, он и не нужен. Важно, что нам предоставлена возможность составить собственное мнение и на этот счет.

...В отличие от Штайна в «Трех сестрах» С. Арцибашева, сыгравшего свой спектакль в интерьерах Музея Чехова, много неправильного, неточного, недопроявленного. Но есть то, что делает спектакль живым и созвучным зрителю сегодня. Критики как-то спорили о том, кому из чеховских героев мы имеем право наследовать, с кем можем поставить себя в ряд: с Раневской или с Яшей, с сестрами Прозоровыми или с Наташей и Протопоповым. Будто бы размышляя над этим вопросом, С. Арцибашев решает его просто. Он не ставит нас перед зеркалом той эпохи, он выводит своих героев из нашей толпы, сажает за один стол на именинах Ирины. А после вместе с нами совершает путеше-

Осколки

ствие в прошлое, пытаюсь понять «куда все ушло?» и уже не пытаюсь сопротивляться тому, что «мы никогда не поедем в Москву. Я же вижу». Возможно, это движение вспять и занижает масштаб чеховских персонажей, как мы привыкли пользоваться, но делает их людьми из плоти и крови, живущими и погибающими, как все мы, вне времен и эпох. У них болит голова, они устали, замучились. Двое молодых друзей-шалопаяв влюблены в одну милую девочку. Одного она не любит совсем, другой ее манит, но пугает. Впервые вижу, чтобы «Три сестры» были прежде всего о них — Ирине, Тузенбахе и Соленом, самых молодых, тех, что еще могут успеть жить иначе. Однако и тут до странности непонятно играет с нами Господь. И надо бы утешиться редептом барона, который, быть может, прав и несправедливо осмеян: «И через миллион лет жизнь останется такою же, как и была...».

10 октября на театральном небосклоне наступила грозовая неловкая пауза. Грузинские театры прислали официальный отказ участвовать в Фестивале имени А. П. Чехова. В связи с политической обстановкой.

Вопрос этот сложный, обоюдострый, кровавый. И вообще не бабского ума дело. Но не оставляет трагическое ощущение, что и отпразднели, и получили этого анонимного факса (группе товарищей от группы товарищей) оказались заложниками новой политической ситуации, которая снова разделяет всех со всеми и делает мечту об едином, хотя бы театральном, пространстве нелепой и неосуществимой. Политика снова разыгрывает свой золотой запас — свою интеллигентную, как козырную карту в грязном преферансе.

Прав был, оказывается, Т. Чхендзе, ставивший свой спектакль о любви, погибшей в сетях коварства. Прав С. Арцибашев, утверждающий, что жизнь останется такою же, как и была. Прав М. Бычков из Воронежа, придумавший «Скрипку Ротшильда» на фоне Шагала и витебской тоски как историю о цене сострадания в мире. Прав был В. Ступка, вышедший к залу не с проповедью Тевье-молочника, но с трепещущей в ладонях судьбой маленького человека на большой земле.